

Чжоу Цзыцянь полагал, что любит его, но недостаточно сильно. Однако то, что бурлило в его груди, не было лишь желанием обладания и похотью; в этом смешались нежность и привязанность. Возможно, его любовь к нему была глубже, чем он думал, но он не мог признаться в этом. Когда он хладнокровно взвешивал глубину своих чувств, когда знал, что у них нет будущего, но продолжал настаивать на этих отношениях, каждое его «люблю» звучало издевательски и бесстыдно. Даже если он действительно любил его, даже если его жажда обладания им не была лишь попыткой избежать одержимости, он больше не мог этого говорить. Он мог лишь превратить эти чувства, эти слова любви, которые он хотел, но не мог произнести, в имя этого человека.

В пылу страстных объятий он раз за разом звал Е Тао, надеясь получить ответ. Он знал, что не должен быть столь бесстыдным, желая большего, но все же жаждал его любви и привязанности, не желая, чтобы его напоминали о реальности: «временно», «без результата», «после расставания», «нельзя погружаться с головой».

Е Тао и в самом деле больше ни о чем не думал. Этот десерт, который был куда сытнее главного блюда, не оставлял ему места для других мыслей. После страстной близости наступила утомительная, но сладостная удовлетворенность.

Когда Чжоу Цзыцянь отстранился, Е Тао невольно тихо простонал. Ноги онемели и стали ватными, а в промежности чувствовалась липкая влажность. В этом блаженном послевкусии его снова нежно обняли и стали целовать; один поцелуй за другим спускался к тонким векам. Е Тао закрыл глаза и услышал хриплый, сексуальный и невероятно нежный шепот:

— Дорогой, ты так прекрасен.

— Ты можешь быть еще прекраснее, — Е Тао поднял онемевшие ноги и уперся ими в тот распутившийся лотос, слегка приподняв уголки глаз. — Хочешь попробовать?

Чжоу Цзыцянь совершенно неуместно вспомнил одну сцену: фотографию, где Е Тао и Ли Минцзюэ находились в горячем источнике, окутанные паром. Похоже, они только что закончили заниматься сексом: Е Тао держал сигарету, лениво полуприкрыв глаза, невольно демонстрируя то самое мужское желание, которое сейчас повторялось на его лице с пугающей точностью.

Чжоу Цзыцянь схватил его за лодыжку, поцеловал нежную кожу на тыльной стороне стопы, затем подобрал с пола одежду и укутал в нее человека, горько усмехаясь:

— Хотя я и могу потерпеть, тебе бы не стоило наступать мне на больное место, дорогой.

На самом деле он хотел сказать: «Ты меня дразнишь, дорогой? Хотя я очень хочу повторить, я боюсь, что ты слишком устанешь».

Ванна на первом этаже была невелика, и двоим в ней помещались только вплотную. Е Тао лежал в объятиях Чжоу Цзыцяня, глядя в окно на бескрайние заросли тростника и взлетающих водоплавающих птиц; на его губах играла легкая улыбка.

Чжоу Цзыцянь спросил, о чем он думает. Е Тао сел, оперевшись на край ванны, и, глядя в окно, спокойным, размеренным голосом произнес:

— Когда мама была жива, соседние города и районы еще не развивались, цены на жилье были намного ниже, чем в столице. Не знаю, кто ей сказал, что продав наш дом, можно купить виллу в Яньцзяо. Она шутила, что, когда я поженюсь, продаст наш дом, купит там небольшую виллу,

и ее внуки смогут бегать и резвиться в большом доме. Думаю, когда она говорила это, в её голове уже рисовалась эта картина: красивый большой дом, дети и внуки, радующие её сердце, сыновья и дочери, проявляющие почтительность, добродетельная невестка...

В голове Чжоу Цзыцяня тоже возникла похожая сцена: красивый дом, спокойная жизнь, он и Е Тао вдвоем, и приемный сын, похожий на его маленького племянника. Они вырастят его здоровым и крепким, но не позволят ему стать таким избалованным, как Юньси. Е Тао, скорее всего, стал бы потакать ребенку, так что воспитывать его пришлось бы Чжоу Цзыцяню. Малыш прятался бы за Е Тао, а тот защищал бы его, не позволяя ни ругать, ни наказывать...

Нереалистичные мечты, как прекрасные сны, рассыпались от одного прикосновения. Чжоу Цзыцянь спрятал невольно проступившую улыбку и снова прижал Е Тао к себе, словно оберегая этот тронувший его сон.

С тех пор как Ло Дун самым мужским способом выплеснул злость, жизнь наконец-то успокоилась. Ло Дун по-прежнему навещал семью Чжоу, чтобы проведать Е Тао, и встречи с Чжоу Цзыцянем были неизбежны. Когда у молодого господина Ло было хорошее настроение, он просто игнорировал Чжоу, оставляя его сушиться, как баклажан на солнце. А когда настроение было скверным, он посылал Чжоу, чтобы поднять себе дух.

Конечно, и в эти спокойные дни находились мелкие неприятности. Например, какая-то сплетница связала Ло Дуна и Чжоу Цзыцяня, заявив, что Ло, которому все равно, с кем спать — с мужчиной или женщиной, положил глаз на выдающегося Чжоу. Мол, он признал младшего сына семьи Чжоу названным сыном лишь ради того, чтобы приблизиться к Чжоу Цзыцяню и войти к нему в доверие. На самом деле это не было новой сплетней: еще когда семьи Чжоу и Ло стали названными родственниками, некоторые уже строили догадки. Недавно старые слухи снова разогрелись из-за молниеносно распространившейся новости о том, что они подрались. Это снова раздуло огонь любопытства в сердцах людей. Все ждали продолжения, чего-то еще более сенсационного, например разрыва отношений и вражды, но после драки всё затихло. Ло Дун по-прежнему ходил в гости к Чжоу, и при встречах они разговаривали и здоровались как ни в чем не бывало. Такой поворот сюжета привел любопытных зрителей в замешательство и раздражение; они чуть ли не швыряли семечки, крича: «Что за чушь? Верните деньги за билеты!»

Когда эти слухи дошли до ушей самих участников, обоих тошнило от них.

Ло Дун закатил глаза и выругался:

— Сомневаюсь в нем? Я лучше дерьмо поем!

Е Тао держал красивую хрустальную миску, полную очищенных свежих личи, и уже собирался отправить в рот еще один, но услышав слова Ло Дуна, вдруг потерял аппетит:

— Ты не мог бы говорить не так гадко?

Ло Дун ухмыльнулся:

— Ты сам дерьмо жрал, а я не видел, чтобы тебя воротило.

Чжоу Цзыцянь, у которого руки были в соку от личи, взял полотенце, вытер руки и забрал у Е Тао хрустальную миску, довольно спокойно спросив:

— У него всегда язык так плохо подвешен?

Е Тао положил личи, которые держал в руке, в рот; его речь не была невнятной, но звучала с легким вздохом:

— Сейчас стало куда лучше. В школе было еще хуже.

Ло Дун не обиделся на то, что старый друг открыл его старые грехи, а с улыбкой, прищурившись, спросил Е Тао:

— Вкусно?

Е Тао, пережевывая мякоть, не зная, глотать или нет, был в отчаянии от его гадостей. Он повернулся к Чжоу Цзыцяню:

— Вели выгнать его вон, я не возражаю.

Однако пригласить бога легко, а прогнать трудно. Непрошенный господин Ло был самым сложным гостем, и если он не хотел уходить, кто бы мог его реально выгнать?

Ло Дун косился на Е Тао:

— Да, давай, приторно любезничай, тошни меня смертельно. Может, вы оба обниметесь и поцелуетесь, посмотрим, у кого кожа толще — у тебя или у ляо-дэя?

В конце концов, что сделано, то сделано, и Е Тао с Чжоу Цзыцянем не могли быстро разойтись, так что Ло Дун смирился. Теперь, приходя в дом Чжоу, он мог не только подшучивать над Чжоу Цзыцянем ради развлечения, но и дразнить Е Тао, чтобы взбесить Чжоу Цзыцяня. К тому же здесь его хорошо кормили и обслуживали, так что господин Ло с удовольствием наслаждался властью. Что касается слухов о том, что между ним и Чжоу Цзыцянем что-то есть, Ло Дун действительно не придавал этому большого значения. Разве можно перестать сеять, только потому что сверчки кричат? Кроме того, слухи о его связи с Чжоу Цзыцянем звучали приятнее, чем слухи о кровосмесительной связи Е Тао с его дядей. Ло Дун считал, что приносит себя в жертву ради других: мол, я прикрываю вас двоих, так что будьте благодарны!

Погода становилась всё жарче, и даже без визитов Ло Дуна Е Тао приходилось нелегко. Он был слаб здоровьем и страдал от летнего недомогания. С началом жары у него пропал аппетит, появилась сонливость, и он время от времени страдал от субфебрильной температуры. За три дня он съедал меньше, чем Сяо Чэн за один перекус.

Всё это было привычным для Чжоу Цзыцяня, но в этом году он особенно тяжело это переносил, поэтому пошел вежливо просить Старейшину Лю придумать решение. Старейшина Лю неторопливо рассказал кучу вещей: например, что молодой господин имеет конституцию холода и пустоты, что холодные лекарства нельзя пить в больших количествах, что летнее недомогание — это не болезнь и лечить её как болезнь не стоит. В общем, итог был таков: либо найти прохладное место, чтобы переждать жару, либо терпеть.

Чжоу Цзыцянь не мог выпрашивать у старика, поэтому пришлось мучить другого, и несчастным стал повар. Мастер Хоу, двадцать лет стоявший у плиты, теперь целыми днями ломал голову над тем, что приготовить, и каждый раз, когда нужно было составить меню, бегал по двору за помощником повара.

Авторское примечание:

Надеюсь, написанное так завуалированно, что не подвергнется цензуре? Прошу редактора

быть снисходительным, оставьте хоть крохи для читающих.

<http://bllate.org/book/17687/1650278>